

Пока шёлк горел, Чжэнь Вэньцзюнь вдруг уловила едва различимый, специфический запах. Этот запах, тонкий, как крыло цикады, было чрезвычайно трудно обнаружить. Однако суровые тренировки Цзян Даочжана укоренили в теле Чжэнь Вэньцзюнь зёрна поразительной чуткости. К тому же, этот аромат был слишком необычным: даже уловив его слабую, едва заметную струйку, она невольно содрогнулась.

Это был аромат смертельного яда «И Чжи Сун».

В своё время Цзян Даочжан потратил целых три дня, чтобы подробно разъяснить ей уникальные особенности И Чжи Сун. Процесс изготовления этого яда был невероятно сложным: сначала из ядовитых змей и скорпионов в самом сердце пустыни добывали токсичную жидкость, затем на воде выращивали цветок И Чжи Сун. Когда цветок достигал пика своего цветения, его срывали, толкли в сок и кормили им смертоносных красных пауков. На выращивание одного такого паука уходило три года, и по истечении этого срока на его теле созревал ядовитый нарыв размером с игольное ушко. Причём далеко не каждый красный паук мог обзавестись таким нарывом, для этого требовались идеальные климатические условия. И хотя созревал этот нарыв с огромным трудом, сока всего из одного такого паука хватало, чтобы отравить десять человек, причём смерть наступала мгновенно. В обычном состоянии этот яд не имел ни цвета, ни запаха, и обнаружить его было практически невозможно.

«Неужели в мире существует столь поразительная вещь? Значит, от неё никак невозможно уберечься?» - спрашивала она тогда.

«Нет». Чжэнь Вэньцзюнь помнила, как Цзян Даочжан мгновенно помрачнел в лице, посчитав её глупой. «В этом мире нет ничего неуязвимого. У каждой вещи есть своя слабая сторона, нужно лишь проявить предельную внимательность и наблюдательность, чтобы отыскать брешь. Взять тот же И Чжи Сун: его слабость - это огонь. Стоит ему соприкоснуться с пламенем, как он являет своё истинное лицо, выделяя совершенно особый запах. Этот аромат до ужаса похож на вонь, которая исходит от сжигаемой человеческой плоти и костей.»

В те времена Чжэнь Вэньцзюнь ещё не знала, как пахнет горящее человеческое тело. Тогда Цзян Даочжан отправился на кладбище, выкопал свежий труп и сжёг его у неё на глазах, чтобы она запомнила этот запах. Запах горящего человеческого тела достаточно было вдохнуть лишь раз, чтобы врезаться в память на всю жизнь. К тому же, обонятельная память развита у людей гораздо лучше других органов чувств, поэтому Чжэнь Вэньцзюнь помнила его во всех деталях.

Она сосредоточилась, направив всё своё внимание на обоняние. Все досадные мелкие тревоги вмиг улетучились из её головы. Деревянной палочкой она приподняла ту часть письма Вэй Тинсюй, которая ещё не успела сгореть; вскоре огонь поглотил и этот последний лоскут. На шёлк Вэй Тинсюй яд нанесён быть не мог: И Чжи Сун при приёме внутрь действовал мгновенно, а от простого прикосновения к коже не было бы ровным счётом никакого эффекта. Если бы Вэй Тинсюй действительно хотела её отравить, она бы не выбрала столь глупый способ.

Раз это не письмо Вэй Тинсюй, значит, дело в медном тазу.

Откуда она его взяла? С кухни.

Как только эта логическая цепочка выстроилась в голове, Чжэнь Вэньцзюнь немедленно затоптала глеющий в тазу огонь, вытряхнула весь пепел вон, обернула руку куском ткани для защиты от жара и, схватив медный таз, вихрем помчалась обратно на кухню с расспросами:

- Для чего предназначался этот медный таз?!

Отвечавший за кухню дядя Кэ удивлённо произнёс:

- Разве это не мой таз для подачи готовых блюд? Как его умудрились так обжечь?

- Для подачи блюд?! Где эти блюда?!

- Их уже унесли. Сегодня Дасынун и Шаофу пришли в поместье с визитом, и Её Высочество как раз угощает их в саду Сухайюань.

Линь Цюань и Чжансунь Яо здесь?! Дело дрянь!

Чжэнь Вэньцзюнь даже не заметила, что всё ещё крепко сжимает в руке таз, и со всех ног бросилась бежать. Поместье Хуайчэнь было немаленьким, и за те несколько дней, что она здесь провела, она ещё не успела хорошенько его изучить, а потому понятия не имела, где находится сад Сухайюань. Тётушку А-Цянь в такой спешке было не сыскать, поэтому она перехватила первого попавшегося слугу и принялась расспрашивать его. Слуга ответил:

- Этот сад Сухайюань находится не на территории поместья. Нужно выйти через задние ворота Хуайчэнь и идти на восток до самого пруда Сюйцюань, что в трёх ли отсюда. Сад Сухайюань - это загородный дворец Её Высочества, там такие горы, такие воды, изящество необыкновенное... Ой, молодая госпожа, зачем вы меня толкаете?! Пойдите, полегче!

У Чжэнь Вэньцзюнь не было времени выслушивать его до конца. Используя слугу как точку опоры, она крутанулась вокруг него, рванулась вперёд и на бешеной скорости помчалась на восток.

Ноги её будто не касались земли, а сердце в груди готово было выпрыгнуть от бешеного стука. Если Чжэнь Вэньцзюнь не ошиблась, кто-то подсыпал И Чжи Сун в блюда, предназначенные для угощения Линь Цюаня и Чжансунь Яо, да и Ли Яньи с высокой долей вероятности могла проглотить этот яд. Кто был отравителем, оставалось загадкой, но Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала: если все трое погибнут от яда, фракции Ли Яньи придёт конец. А едва умрёт Ли Яньи, разве останется в живых хоть кто-то из семьи Вэй Луня?

Расстояние в три ли Чжэнь Вэньцзюнь преодолела на одном дыхании. Вот уже перед глазами показался пруд Сюйцюань. Посреди водоёма на приподнятой круглой открытой террасе, укрытой огромным бамбуковым навесом высотой в чжан, располагались изысканные места для отдыха. Когда до террасы оставалось около двух сотен шагов, дорогу к центру пруда ей преградили воины гвардии Хубэнь.

- У меня срочное и важное известие для Её Высочества! - с этими словами Чжэнь Вэньцзюнь попыталась проскочить между двумя гвардейцами, но два стальных клинка со свистом скрестились перед её лицом, заставив отпрянуть. Не обладай она столь молниеносной реакцией, её нос был бы безжалостно отсечён.

- О любых делах доложишь после того, как Её Высочество закончит банкет в честь важных гостей. - Эти двое стражников гвардии Хубэнь не ведали ни капли жалости: высокие, широкоплечие, они смотрели на Чжэнь Вэньцзюнь свысока. - Её Высочество приказала: кроме Вэй Сыту, никому из посторонних не дозволено её беспокоить.

- Гости, которых она принимает - это Дасынун и Шаофу?! - с тревогой и напором спросила Чжэнь Вэньцзюнь.

Гвардейцы проигнорировали её вопрос.

- Идите и немедленно доложите! Еда отравлена! Её ни в коем случае нельзя есть! Живее! - Чжэнь Вэньцзюнь изнывала от жара и спешки, покрывшись потом, и всеми силами пыталась протиснуться сквозь эту живую медную стену. Стражники переглянулись, и до Чжэнь Вэньцзюнь донёлся их тихий шёпот.

- Кажется, она из семьи Вэй.

- Пойду доложу Её Высочеству.

Один из гвардейцев убежал, а второй остался на месте.

Когда один солдат Хубэнь ушёл, обзор Чжэнь Вэньцзюнь стал яснее. Она могла видеть Линь Цюаня, маленького, как ноготь, стоящего к ней спиной. С левой стороны был Чжансунь Яо, поднимающий чашку, а прямо напротив, полностью скрытый, виднелся лишь кусочек одежды - вероятно, Ли Яньи.

Чжансунь Яо собирался выпить вино, когда Чжэнь Вэньцзюнь спешно крикнула:

- Не пейте!

Поскольку Чжэнь Вэньцзюнь ещё не обучалась техникам внутренней энергии, ей едва хватило дыхания, чтобы выкрикнуть эти слова. Звук её голоса действительно долетел до террасы, заставив Чжансунь Яо замереть с кубком в руке.

Однако после этого крика горло Чжэнь Вэньцзюнь пронзила такая острая боль, будто его разорвали на части. На мгновение у неё помутилось в голове, медный таз с грохотом выпал из рук на землю, и она больше не смогла издать ни звука.

- Кто там? - Ли Яньи отложила палочки для еды и посмотрела в сторону, откуда донёлся крик.
- Чжэнь Вэньцзюнь?

Чжансунь Яо тоже обернулся в сторону Чжэнь Вэньцзюнь. Но в тот момент, когда Линь Цюань только собирался повернуться, его движения внезапно замерли, и он судорожно схватился за горло. Чжансунь Яо заметил эту странность, подумав, что тот просто подавился рыбьей костью. Кто же знал, что лицо Линь Цюаня мгновенно посинеет, и он мёртвой хваткой вцепится в руку Чжансунь Яо.

- Господин Линь! Что с вами?! - Чжансунь Яо в панике попытался поддержать его. Линь Цюань хотел что-то сказать, но стоило ему открыть рот, как поток крови хлынул прямо в лицо Чжансунь Яо. Тот инстинктивно вскинул широкий рукав халата, закрываясь от брызг. Посмотрев вниз, он увидел, что его одежда сплошь покрыта кровавыми пятнами.

Чжансунь Яо совершенно опешил от этого внезапного фонтана крови. Линь Цюань сполз со своего места у столика, и когда он рухнул на пол, кровь всё ещё неистово била у него из рта и носа. К тому моменту, как Ли Яньи подскочила к нему и принялась звать по имени, он уже испустил дух.

Чжансунь Яо и Ли Яньи были неопишимо потрясены этой внезапной трагедией. В этот момент подбежал гвардеец Хубэнь и доложил Ли Яньи, что прибежавшая молодая госпожа предупреждала об отравлении в еде.

- Отравлено? - переспросила Ли Яньи. - Невероятно! Все блюда проверялись серебряной иглой прямо у меня на глазах, и игла не потемнела! Как тут мог оказаться яд?! Живее зовите придворных лекарей!

- Есть! - боец гвардии Хубэнь молнией бросился исполнять приказ. Ли Яньи изо всей силы сдвинула пальцами ямочку над верхней губой Линь Цюаня, пытаясь вернуть его в чувство, однако сколько она ни старалась, тот не подавал никаких признаков жизни.

- Он мёртв, - пот крупными каплями катился по лицу Ли Яньи. Она смотрела на широко распахнутые глаза Линь Цюаня, которые, казалось, вот-вот вывалятся из орбит. Внезапная кончина повергла его в крайнее изумление и ужас. Посиневшее лицо распухло от действия яда, исказив черты до неузнаваемости. Смерть его была поистине жуткой.

Сердце Ли Яньи сжималось от невыносимой боли. Она занесла ладонь над лицом Линь Цюаня, желая закрыть ему глаза, чтобы он покоился с миром. Но стоило её руке почти коснуться покойного, как бежавшая изо всех сил Чжэнь Вэньцзюнь снова истошно закричала:

- Ваше Высочество, скорее отойдите! Не трогайте его!

Вздрыгнув от испуга, Ли Яньи мгновенно отёрнула руку.

- Ваше Высочество, смотрите! - Чжансунь Яо указал пальцем на лицо Линь Цюаня. Ли Яньи своими глазами увидела, как голова мертвеца продолжала стремительно раздуваться. Когда она увеличилась почти вдвое, его губы медленно разошлись, и плотный поток осязаемого чёрного дыма, силой распахнув ему рот, хлынул наружу из его рта и носа.

- Ваше Высочество, осторожно! - Чжансунь Яо немедленно заслонил Ли Яньи собой. В этот момент тело Линь Цюаня вдруг резко приняло сидячее положение, и колоссальный объём чёрного ядовитого газа с бешеной силой вырвался из его ушей, носа и рта. Видя, что Чжансунь Яо и Ли Яньи вот-вот поглотит это смертоносное облако, Чжэнь Вэньцзюнь рванулась вперёд и одним мощным толчком сбросила обоих в пруд.

Все трое разом погрузились в воду. Оставшиеся на террасе служанки, которые не успели прыгнуть в пруд, вдохнули чёрный газ. В тот же миг, разделив участь Линь Цюаня, они захлебнулись потоками крови из носа и рта и замертво рухнули на настил. От вдоха до гибели прошло ничтожно мало времени буквально одно мгновение.

Находясь под водой, Чжэнь Вэньцзюнь сделала знак рукой Ли Яньи и Чжансунь Яо, показывая, что им нужно плыть напрямиком к берегу.

Оставшийся на берегу гвардеец Хубэнь поначалу хотел броситься им на выручку, но, увидев этот кошмар, поспешно отступил. Когда он добежал до края пруда, Чжэнь Вэньцзюнь и её спутники как раз с шумом вынырнули из воды.

- Ваше Высочество! Шаофу! Вы притрагивались к вину или еде?! - едва сделав первый глоток воздуха, с тревогой выкрикнула Чжэнь Вэньцзюнь.

- Я... я пил вино! - Чжансунь Яо, отплёвываясь от воды, выглядел бледным как полотно. - Осушил целых шесть чарок! Но к закускам не притрагивался... Терпеть не могу есть, когда пью. Неужели я тоже отравлен?!

- Похоже, в вине яда не было. Это невероятно сильный токсин: не то что шесть чарок, сделай Чжансунь Шаофу хотя бы один глоток отравленного напитка, и вас бы уже не было в живых. Яд

совершенно точно находился в блюдах. Ваше Высочество, вы ничего не ели и не пили? – Чжэнь Вэньцзюнь в тот день видела, как безумно радовалась Ли Яньи своему успеху, и больше всего боялась, что на радостях принцесса предастся чревоугодию и всю наестся отравленных яств.

Ли Яньи покачала головой:

– Я ещё ничего не успела попробовать.

В последние несколько дней у Ли Яньи было неплохое настроение, пока вчера от шпионов, следивших за А-Синь, не пришло известие: в дороге у неё снова случился приступ отравления «Порошком Фужун». Она держалась из последних сил, чтобы не принять его повторно, и в итоге отправилась на поиски своего наставника. С самого детства она была очень близка с этим учителем, к которому сама Ли Яньи не питала ни малейшей симпатии, считая его благопристойным лишь на словах, а на деле таящим злые помыслы. И теперь, когда А-Синь в этот критический момент поехала искать у него спасения, Ли Яньи была очень раздосадована. Однако обстановка в Жунине оставалась крайне нестабильной, вдобавок старый вор Се Фучэнь, преодолев все преграды, вернулся к Ли Цзюю. Ситуация менялась стремительно, и она никак не могла уехать.

Ли Яньи совершенно не знала, добралась ли уже А-Синь до своего наставника, и уж тем более не представляла, как именно этот учитель собирается помогать ей избавиться от пагубной зависимости к «Порошку Фужун». При мысли об этом у неё полностью пропал аппетит. Сегодня она созвала Чжансунь Яо и остальных как раз для того, чтобы обсудить стратегию борьбы против Се Фучэня. Вэй Лунь не смог явиться на банкет из-за дел в семье, и кто бы мог подумать, что плохое настроение, лишившее принцессу аппетита, в итоге спасёт ей жизнь. Ли Яньи была полна горьких чувств, в глубине души ей смутно казалось, будто это А-Синь незримо оберегает её.

Летний ветерок над прудом быстро развеял чёрный газ. Ли Яньи спросила Чжэнь Вэньцзюнь, что это за яд, почему его не смогли обнаружить даже серебряные иглы, откуда она сама о нём знает и не видела ли она того, кто его подсыпал. Чжэнь Вэньцзюнь рассказала о том, как обнаружила присутствие И Чжи Сун, утаив лишь деталь о сожжении письма Вэй Тинсюй, вместо этого она солгала, сказав, будто наткнулась на следы смертоносного токсина, когда сжигала ненужный хлам.

– Помимо того, что яд И Чжи Сун не имеет ни цвета, ни запаха, чрезвычайно опасен и не определяется серебряной иглой, при попадании в организм он стремительно разъедает пищевод и проникает в грудную клетку. Стоит ему соприкоснуться с кровью, как выделяется колоссальный объём ядовитого газа. Этот газ начинает быстро раздувать труп изнутри и может даже спровоцировать взрыв. Любой, кто вдохнёт это ядовитое облако, тоже мгновенно погибнет.

Ли Яньи на своём веку повидала немало коварных и жестоких методов, но о столь свирепом и беспощадном яде, как И Чжи Сун, слышала впервые.

– Ты так хорошо разбираешься в ядах? – спросила Ли Яньи, глядя на Чжэнь Вэньцзюнь.

Поначалу Чжэнь Вэньцзюнь по привычке хотела скромно ответить «немного смыслю», но, вовремя вспомнив напутствие тётушки А-Цянь, она уверенно вскинула голову и звонко произнесла:

- Вэньцзюнь до мельчайших подробностей знает шестьсот тридцать два вида известных ныне ядов!

Чжэнь Вэньцзюнь ничуть не лгала: Цзян Даочжан и впрямь обучил её способам распознавания всех этих токсинов. Другим людям на это не хватило бы и трёх лет, но Чжэнь Вэньцзюнь, благодаря своему выдающемуся, блестящему таланту, сумела намертво заучить всё до единого всего за один короткий год. Ей необходимо было заявить о себе перед Ли Яньи, и упустить эту идеальную возможность она просто не могла.

Ли Яньи поднялась на ноги и посмотрела в сторону сада Сухайюань посреди пруда. Тело Линь Цюаня уже обмякло и сдулось, служанки безжизненными телами усеивали настил террасы, а тот клубок зловещего чёрного тумана, словно явившийся из самой преисподней, всё ещё колыхался в воздухе.

- Вэньцзюнь, Янхуэй, следуйте за мной. - Ли Яньи, не успев даже переодеться в сухую одежду, с тяжёлым сердцем велела им двоим немедленно уходить.

Как раз в то время, когда Линь Цюань принял мучительную смерть, пришедшие с юга проливные дожди один за другим накрыли округ Пинцан и продолжили смещаться на северо-восток, стремительно приближаясь к Жунину.

Простой люд в Пинцане ликовал. И хотя весенняя пахота уже осталась позади, истощённая долгой засухой земля наконец-то дождалась влаги. Для измученных жаждой и голодом беженцев не было ничего более воодушевляющего, чем этот проливной, смывающий всё на своём пути дождь.

Бесчисленные беженцы и крестьяне толпой выходили из своих жилищ, устраивая песни и пляски прямо под ливнем. В то же время водный канал, который прорубали от самого юга до столицы и работы на котором были заморожены на целых десять лет, внезапно, с быстротой молнии и ветра, был окончательно достроен. Поговаривали, будто Сын Неба Ли Цзюй согнал на эти работы абсолютно всех невольников, трудившихся на возведении его собственного императорского поместья-усыпальницы. Ради того, чтобы как можно скорее перенаправить южные воды на север и облегчить участь голодающих округов, император приостановил даже строительство собственного мавзолея. Извилистый канал не только ослабил угрозу паводков на юге, но и напитал влагой расположенные вдоль него города. Действуя в союзе с проливными дождями, он одним махом развеял ту многолетнюю мглу, что тяжким бременем лежала над небесами Великой Юй.

И как раз в это мгновение до ушей Ли Яньи донеслось ещё одно известие, показавшееся ей совершенно невыносимым.

Стойко продержавшись в стенах императорской тюрьмы сорок шесть дней, Хун Ай внезапно испустил дух, захлебнувшись собственной кровью, и оставил после себя предсмертное признание, написанное кровью.

Помимо признания в том, что во время ликвидации последствий бедствия в Суйчуане он действительно присвоил казённые средства и зерно, в этом кровавом письме он также полностью сознался в сговоре с врагом и государственной измене. Он прямо заявлял, что ему стыдно смотреть в глаза Сыну Неба, и единственным выходом для него остаётся смерть, дабы заглушить терзания собственной совести.

- Что?! Хун Ай мёртв? Когда это случилось?

- Буквально один час назад.

Ли Яньи как раз писала тайное послание для Вэй Тинсюй. Услышав новость, которую ей доложила Чжэнь Вэньцзюнь, она широко раскрыла свои фениксовые глаза, а затем с усмешкой произнесла:

- Неужели Ли Цзюй всерьёз полагает, что стоит ему до смерти замучить Хун Ая и заставить того взять всю вину на себя, как дело будет закрыто за смертью обвиняемого, и никто больше не сможет доказать вину Фэн Куня? Это слишком наивно с его стороны.

Она отложила кисть, а бамбуковую дощечку, на которой только что писала, бросила в стоящую рядом жаровню, где та мгновенно обратилась в пепел. Кончина Хун Ая со стороны выглядела как добровольный уход из жизни человека, оказавшегося в тупике. Однако стоило вспомнить, что едва Се Фучэнь вернулся в Жунин, как сперва ядом отравили Линь Цюаня, а следом испустил дух и Хун Ай, так долго державшийся под пытками, как вся эта история сразу же окутывалась зловещим туманом.

В своё время, когда Вдовствующая Императрица была тяжело больна, Се Фучэнь воспользовался этой возможностью: под предлогом борьбы с фракционностью и кумовством он руками Ли Цзюя бросил за решётку одного из дядей Ли Яньи и начал последовательно привлекать к ответственности всех чиновников из клана Гэн, заменяя их на верных людей Ли Цзюя. Тот удар был невероятно свирепым и застал всех врасплох. Если бы Вдовствующая Императрица тогда чудом не выкарабкалась с того света, а сам Ли Цзюй в силу юного возраста не проявил нерешительность, ни один человек из рода Гэн не остался бы в живых.

Этот старый слуга Се Фучэнь в своих поступках всегда действовал вопреки любым ожиданиям. Он посмел поднять руку на родного брата нынешней Вдовствующей Императрицы, так откуда знать, не кроется ли за якобы самоубийством Хун Ая какая-то иная, куда более коварная интрига. Дело принимало чрезвычайный оборот, и об этом следовало в первую очередь переговорить с Цзычжо.

Ли Яньи взяла новую, чистую бамбуковую дощечку и вывела на ней несколько строк. Дождавшись, пока чернила подсохнут и скрытый текст исчезнет, она нанесла поверх едва заметными, блёклыми штрихами обычную фразу: [Аромат клейкого риса в цзунцзы так чист и свеж, с нетерпением жду твоего возвращения].

- Вэньцзюнь, - Ли Яньи взмахом руки подозвала Чжэнь Вэньцзюнь поближе и спросила:

- Умеешь ли ты менять свой почерк?

С тех самых пор, как Чжэнь Вэньцзюнь спасла её и Чжансунь Яо от верной гибели, Ли Яньи по-настоящему обратила внимание на эту молодую госпожу. После долгой беседы, продлившейся всю ночь, принцесса обнаружила, что перед ней редчайший, уникальный талант Поднебесной. Вэй Тинсюй в своё время ничуть не преувеличила её достоинства, а, пожалуй, даже высказалась излишне скромно.

Она знала, что не только Линь Цюань, но и её способные министры также были отравлены: из десяти семеро умерли, а остальные трое по счастливой случайности избежали бедствия. В тот день, когда Линь Цюань принял мучительную смерть, на кухне также готовили обед для советников. Всего их было восемьсот шестьдесят человек, и абсолютно каждый, кто притронулся к еде, погиб. Лишь около сотни уцелевших либо находились в тот момент на

заданиях за пределами резиденции, либо попросту опоздали к началу обеда, благодаря чему чудом избежали гибели.

Это была безумная, бесчеловечная месть Се Фучэня. Вэй Лунь оказался абсолютно прав: стоило Се Фучэню вернуться в Жунин, как даже самая незабываемая и верная победа могла быть им перевёрнута. Поговаривали, будто Се Фучэнь неведомо где отыскал непревзойдённого мастера боевых искусств. Этот бродячий мастер за одну-единственную ночь умудрился проникнуть в семь строго охраняемых поместий: пока хозяева спали со своими жёнами и наложницами, на следующее утро они просыпались и обнаруживали, что у их спутниц исчезли головы. При этом ни многочисленная стража, ни слуги в поместьях не заметили абсолютно ничего. Этот убийца наводил ужас, подобно призраку.

Нынешнее возвращение Се Фучэня в один миг повергло весь двор Жунина в неопишную панику. Вернее сказать, сторонники Ли Яньи полностью лишились покоя. Каждый из них до смерти боялся этих сокрушительных ударов Се Фучэня, наносимых без малейшей оглядки на последствия, и никто не знал, не окажется ли он сам следующей жертвой.

За последние несколько дней людей в резиденции Ли Яньи заметно поубавилось: даже среди её нахлебников и советников, которых она взращивала долгие годы, началось повальное бегство. Но сейчас, когда она остро нуждалась в преданных умах, у неё не оставалось иного выбора, кроме как дать шанс Чжэнь Вэньцзюнь, пусть та и была слишком молода, а её стратегические замыслы по большей части оставались ещё незрелыми.

Именно теперь Чжэнь Вэньцзюнь по-настоящему вошла в ближний круг Ли Яньи, начав помогать ей со сбором и анализом разведанных. И известие о кончине Хун Ая стало первой вестью, которую она лично раздобыла и доставила принцессе.

Когда Ли Яньи спросила её, умеет ли она менять почерк, Чжэнь Вэньцзюнь в глубине души почувствовала лёгкую неловкость, невольно вспомнив, как в своё время подделывала почерк Вэй Тинсюй.

Едва она утвердительно кивнула, Ли Яньи удовлетворённо улыbnулась:

- Очень хорошо. Перепиши это послание десять раз разными почерками и отправь их одновременно в десяти разных направлениях. Настоящую же дощечку отправь только завтра ночью, ты всё запомнила?

Приняв из её рук бамбуковую плашку, Чжэнь Вэньцзюнь ответила:

- Слушаюсь.

- Все эти дни неослабно и зорко следи за судебным ведомством. Стоит Гуань Сюню покинуть его и направиться в Запретный город, немедленно возвращайся и докладывай мне. И ещё: отправь человека в поместье Гэн, пусть передаст моему дяде просьбу срочно прибыть ко мне.

- Поняла!

Пока тайные послания Ли Яньи, укрытые ночной мглой, разлетались во все стороны подобно перелётным птицам, глава судебного ведомства Гуань Сюнь глубокой ночью спешил на аудиенцию к Сыну Неба, бережно везя с собой предсмертное письмо, написанное кровью. Едва повозка Гуань Сюня поравнялась с дворцовыми воротами, как бесчисленные следившие за ним

глаза бесшумно рассредоточились и растворились в ночной темноте Жунина.

Дяде Ли Яньи, Гэн Баю, исполнилось уже пятьдесят семь лет. Несколько лет назад он отошёл от государственных дел и с тех пор жил в своё удовольствие, выращивая дома цветы, ухаживая за травами, лаская кошек и разводя птиц. На днях ему преподнесли в дар двух павлинов: одного синего и одного зелёного. Поселённые вместе с белыми журавлями во дворе, они являли собой на редкость отрадное зрелище. В последние дни он только и делал, что проводил всё свободное время в птичьем вольере, подкармливая этих павлинов. Услышав доклад слуги о том, что у ворот его ожидает экипаж Старшей Принцессы, Гэн Бай раскрошил птицам всю оставшуюся в руках соевую лепёшку, неторопливо вытер руки и неспешным шагом направился к выходу.

По установленным правилам, экипаж Старшей Принцессы должен был запрягаться четырьмя каштановыми конями одинаковой масти, ширина повозки не могла превышать одного чжана, а в узорах балдахина и знамён дозволялось использовать лишь два цвета - красный и белый, при этом на флагштоках вырезались изображения павлинов. Однако присланная Ли Яньи повозка была запряжена шестёркой лоснящихся, статных императорских скакунов чисто-чёрной масти без единого пятнышка. Ширина её превышала чжан, на флагштоках павлины были заменены на цилиней, а балдахин и знамёна пестрели чёрно-красными цветами, право на использование которых имел исключительно Сын Неба. Гэн Бай бросил взгляд на этот роскошный экипаж, на углу которого красовался огромный, вызывающий иероглиф «Ли», и не стал в него садиться. Вместо этого он велел слугам запрячь его собственную повозку, а на самое видное место приказать повесить деревянную табличку ещё большего размера, на которой золотым лаком было выведено: «Гэн».

Слуга в недоумении спросил:

- Господин Гэн, почему вы не сели в повозку, приготовленную Старшей Принцессой? Разве это не выкажет ей неуважение?

Гэн Бай поднялся в свою повозку, прикрыл глаза и принялся безмолвно копить силы, не проронив ни слова.

Прибыв в поместье Хуайчэнь, Ли Яньи лично вышла встретить его. Увидев, что Гэн Бай приехал на собственной повозке, она спросила:

- Дядя, почему ты приехал на своей повозке?

Гэн Бай ответил:

- Её Высочество вызвала меня из-за самоубийства Хун Ая, верно? Идём, обсудим это внутри.

Едва они вошли в кабинет, Ли Яньи отослала всю прислугу и спросила:

- Дядя, как по-твоему, не кроется ли во всём этом ловушка?

Гэн Бай спросил в ответ:

- Успели ли Ваше Высочество разузнать, что именно оставил Хун Ай перед смертью?

Ли Яньи покачала головой:

- Эти юнцы из судебного ведомства держат язык за зубами. Говорят лишь то, что дозволено, а о

том, что под запретом, и полуслова не вытянешь. Удалось лишь прознать, что перед смертью Хун Ай виделся с Се Фучэнем. Наверняка они решили пожертвовать пешкой, чтобы спасти крупную фигуру. Я боюсь лишь одного: Линь Цюань только что погиб, Цзо Сюя выволить так и не удалось, и если Хун Ай перед кончиной успел укусить и нас, это обернется огромными неприятностями. Только что стража доложила, что Гуань Сюнь отправился на встречу с Ли Цзюем. Думаю, Хун Ай совершенно точно оставил после себя нечто решающее.

Гэн Бай погладил свою седеющую бороду и произнёс:

- Из-за того, что Цзо Сюя бросили в тюрьму, должность Шаншулина оказалась свободной, а Сын Неба уже пожаловал Се Фучэню чин Дасыма. Теперь Се Фучэнь совмещает в своих руках два ключевых поста - великого маршала и главного цензора. Пост Шаншулина, возможно, передадут Янь Чжэню, бывшему подчинённому Се Фучэня. Насколько я знаю Се Фучэня, если уж они решили пожертвовать Хун Аем, которого так упорно защищали, то их истинные замыслы невероятно велики. И нанести нам ответный удар... вполне в его духе.

От слов Гэн Бая у Ли Яньи внутри всё похолодело.

- К тому же, проливные дожди вот-вот доберутся до Жунина, - продолжал Гэн Бай. - В голодный год внезапный мощный ливень воспринимается народом как благословение небес и знак великого триумфа. Это событие играет на руку Ли Цзюю, даруя ему идеальный шанс для сокрушительного контрудара. Вашему Высочеству необходимо немедленно тайно проникнуть в Запретный город. Я опасаюсь, что на завтрашней утренней аудиенции могут произойти страшные перемены, и кроме Вас никто не сможет помешать союзу Се Фучэня и Ли Цзюя. Вашему Высочеству нужно подготовиться заранее, иначе, если вспыхнет смута, у Вас больше не будет возможности пройти во дворец.

Ли Яньи вмиг всё осознала:

- Так вот почему дядя отказался сесть в мою повозку. Теперь я понимаю.

Ли Яньи велела слугам принести ей одежду и переоделась в скромное платье простого раба. Вместе с Гэн Баем она поднялась в повозку семьи Гэн и под покровом ночи устремила к Запретному городу.

<http://bllate.org/book/17227/1659878>